

ЮРИДИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ЗАКОН И ЖИЗНЬ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт этнологии и антропологии

ЮРИДИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

ЗАКОН И ЖИЗНЬ

Ответственные редакторы:
Н.И. Новикова, В.А. Тишков

Москва
Издательский дом "Стратегия"
2000

Работа подготовлена и опубликована
при финансовой поддержке Фонда Дж. и К. МакАртуров.

Юридическая антропология. Закон и жизнь. М.: ИД "Стратегия",
2000. – 224 с.

Сборник статей подготовлен на основании докладов, прочитанных на Круглом столе "Правовой плюрализм в современной России" в Институте этнологии и антропологии РАН. Статьи посвящены истории права, проблемам соотношения права и закона, теории и практики правового плюрализма на Северном Кавказе и в среднеазиатских государствах, а также обычно-правовому и государственному регулированию традиционного природопользования.

Книга представляет интерес для политиков, юристов, этнографов, историков и активистов национально-культурных движений.

ISBN 5-9234-0006-5

© Институт этнологии и антропологии РАН, 2000 г.
© Коллектив авторов, 2000 г.
© Издательский дом "Стратегия", 2000 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Тишков В.А. Антропология права – начало и эволюция дисциплины	7
Семенов Ю.И. Основные понятия обычного права: возникновение и развитие	15
Нагих С.И. Нормативная система догосударственного общества и переход к государству	32
Супатаев М.А. О понимании права	45
Сохоловский С.В. О возможностях диалога юристов и антропологов (терминоведческие заметки)	51
Королев С.В. "Человек равенства" как субъект права	62
Крюкова С.С. Обычное право в российском законо- дательстве: к вопросу о термине и его содержании	75
Максимович Л.Б. Законодательство субъектов Российской Федерации о браке и семье	94
Абашин С.Н. Многоженство <i>запретить нельзя разрешить?</i>	101
Бабич И.Л. Формирование правового плюрализма в советское и постсоветское время на Северо-западном Кавказе	116
Бобровников В.О. Теория и практика правового плюрализма для Северного Кавказа XIX – XX вв.	128
Брусина О.И. Социально-правовые системы новых среднеазиатских государств в контексте теории правового плюрализма	141

Степанов В.В. Необходим закон об охране этнокультурной среды	154
Ямсков А.Н. Традиционное природопользование: проблемы определения и правового регулирования.....	172
Пивнева Е.А. О возможностях обычно-правового регулирования традиционного природопользования у коренных малочисленных народов Севера (на примере обских угров)	186
Сирина А.А. Закон и жизнь [опыт законодательного урегулирования традиционного природопользования в Республике Саха (Якутия)]	196
Новикова Н.И. Традиционное природопользование – право и/или обязанность	212

ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

А.Н. Ямсков

Большинство ученых, политиков и активистов неправительственных организаций в России и за рубежом достигли консенсуса относительно необходимости выделения в составе жителей тех регионов, где исторически недавно имело место промышленное и/или сельскохозяйственное освоение и заселение аборигенных (коренных) народов и наделения именно их представителей (индивидов, семей, общин) приоритетными правами, как минимум, на традиционное использование возобновимых природных ресурсов на землях предков. С другой стороны, также не вызывает особых сомнений и то, что реальная хозяйственная практика коренных народов в современных условиях чаще всего представляет собой многообразие форм использования ресурсов и воздействия на природно-ресурсную базу, варьирующих от достаточно близких к тем, что преобладали у их прямых предков на рубеже XIX – XX веков (и потому в реалиях России “традиционных” по определению), и до таких, что практически не отличаются от форм природопользования, практикующихся в подобных регионах недавними поселенцами.

Таким образом, несложно обозначить наметившиеся в данной сфере терминологические проблемы, которые на фоне продолжающейся разработки федерального и регионального законодательства о правах коренных народов российского Севера служат предметом дискуссий в среде специалистов и которые в самом общем плане могут быть сформулированы следующим образом:

1. Какими могут или должны быть принципы и критерии отграничения “традиционных” форм хозяйственной деятельности и сопряженных с ними форм природопользования коренных народов от “нетрадиционных”?

2. Какие конкретно функции могут либо должны выполнять сохранившиеся у коренных народов обычно-правовые нормы регулирования хозяйства и природопользования в рамках “традиционной” хозяйственной практики и, с другой стороны, в каких ситуациях и до какой степени их может или должно дополнять либо заменять государственное регулирование подобного хозяйства и природопользования?

В обоих случаях необходимы достаточно четкие дефиниции, пригодные для включения в законодательные документы, поскольку ныне обоснованно считается, что именно “традиционность” природопользования служит ведущим критерием выделения групп пользователей, обладающих приоритетными правами на биоресурсы, и что именно в сфере организации традиционного хозяйства и природопользования могут либо должны действовать обычно-правовые нормы коренных народов [среди последних по времени публикации такого рода мнений см., напр.: 2, стр. 69, 71; 8, стр. 54–57].

Дискуссии по указанным вопросам идут параллельно с развитием соответствующего законодательства в нашей стране. Так, на протяжении 1990-х годов в России разрабатывался и наконец в апреле 1999 г. был принят Федеральный рамочный Закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”, который по своему содержанию в первую очередь относится к коренным народам Севера; именно таковым оказалось и содержание комментариев к новому закону [см. 4, стр. 153]. В регионах в эти же годы был создан и апробирован значительный массив гораздо более конкретных законов об общинах и о территориях традиционного природопользования этих народов [см., например, подборку большей части этих законов: 11, с.176–387], причем проработка такого рода дополняющих и уточняющих законодательных актов в последние годы проводится на федеральном уровне [4, стр. 79].

В вышеупомянутых принятых и разрабатываемых законах федерального и регионального уровней непременно фигурируют, полностью или частично, следующие взаимосвязанные понятия: “территория (земли) традиционного природопользования”, “традиционное природопользование”, “традиционное хозяйство”, “традиционные промыслы”. Однако в недавно

принятом Федеральном Законе “О гарантиях прав коренных малочисленных народов ...” данные термины присутствуют, но не определяются. Это прямо констатируют комментаторы Закона. С одной стороны, они рекомендуют “руководствоваться общепринятым понятием традиционности” и считают, что “под традиционностью и традицией обычно понимается то, что в силу обычая перешло к нынешнему поколению от поколений предшествовавших”. С другой стороны, переходя к оценке хозяйственной практики и природопользования, комментаторы призывают не абсолютизировать “копирование прошлого” как критерий традиционности и полагают, что технологические нововведения типа появления моторных лодок у рыболовецких групп населения еще не означают отхода последних от “традиционного образа жизни и формы хозяйствования” [4, стр. 18]. Особую актуальность поднятой теме придает и то, что в этом же Законе предусмотрена “этнологическая экспертиза” и, следовательно, предполагается разработка соответствующего федерального закона “Об этнологической экспертизе”, но ведь проведение последней в регионах расселения коренных народов Севера тоже будет невозможным без правового определения базового понятия “традиционное природопользование (хозяйство)”.

“Традиционное природопользование”: возможная дефиниция.

Справедливое для собственно научных исследований положение о том, что о терминах не спорят, а договариваются, во-первых, практически неприменимо в области прикладных исследований (в том числе и в сфере юридической антропологии), поскольку здесь термины должны быть “прозрачными” по своему значению и понятными широкому кругу людей, включая неспециалистов. Во-вторых, это известное утверждение вовсе не означает, что отсутствует смысл в поиске оптимальной договоренности о значении конкретного термина, если этот термин уже существует в юридических документах и если заранее определены задачи, которые должны быть решены законодательством с использованием данного термина, а сам термин пока еще не имеет четкого юридического толкования. Все это прямо относится к термину “традиционное природопользование” по состоянию на начало 2000 г.

Мне уже доводилось кратко высказываться по затронутому вопросу [19, стр. 5]. Расширяя и уточняя прежнюю формулировку, можно сделать следующий вывод: в законодательных документах к “традиционному хозяйству” в условиях России стоит относить такие формы ведения любой из отраслей хозяйства современным населением, при которых это население сохраняет преемственность форм хозяйствования от своих непосредственных предков (в период до начала коллективизации) в каждом из следующих аспектов:

- типы используемых природных ресурсов (например, на Севере – дикие животные и естественная растительность, в первую очередь, на оленьих пастбищах);

- типы трудовой деятельности (в частности, у народов Севера – пастьба оленей, добыча диких животных и лов рыбы, сбор пищевых и лекарственных растений и других продуктов собирательства);

- используемая территория или акватория (применительно к народам Севера – пастбищные, охотничьи, рыболовные угодья, места сбора пищевых, лекарственных и других природных ресурсов);

- типы получаемой первичной продукции (например, мясо, рыба, шкуры и пушнина и т.п. у народов российского Севера).

По существу здесь вкратце приведена основная часть характеристик “культуры природопользования и расселения” как одного из четырех – наряду с культурой материального жизнеобеспечения (пища, одежда, жилище), социо-нормативной и гуманитарной культурой – базовых компонентов любой традиционной культуры. При некотором пересмотре содержания отдельных компонентов и частичной смене используемых терминов, этот подход к функциональному членению традиционной культуры базируется на известных работах [ср.: 7, с. 44; 1, с. 55–59 и 13].

Сказанное выше позволяет по аналогии дать дефиницию “традиционного природопользования”. На этой же основе можно определить и “территорию традиционного природопользования”, то есть ареал, в пределах которого ведется (или планируется ведение) традиционное хозяйство, а также и круг возможных пользователей – лиц, ведущих (либо жела-

ющих вести) традиционное хозяйство и являющихся прямыми потомками тех, кто использовал те же самые территории до коллективизации и ранее. Последнее, впрочем, вряд ли стоит понимать буквально¹ — из-за многократных и часто недобровольных переселений и сселений жителей сельской местности в поздний советский период преемственность в использовании территории на Севере уместнее оценивать в масштабах сельских районов или даже нескольких соседних районов.

Указанные дефиниции, кстати, могут быть применены к любой из основных отраслей хозяйства для их дифференциации на “традиционные” и нетрадиционные формы ведения, то есть к собирательству, охоте, рыболовству, растениеводству (земледелию), животноводству (скотоводству), практикуемым любой по происхождению группой населения, равно как и для разделения соответствующих форм природопользования на “традиционные” и нетрадиционные для данной группы населения.

При подобном подходе полностью снимаются как не относящиеся к содержанию предлагаемой дефиниции “традиционного хозяйства” вопросы о наличии и степени распространенности технологических инноваций в данной области, таких, в частности, как внедрение в ряде районов Севера снегоходов, моторных лодок и сетеподъемников, и т.п., а также о целях хозяйственной деятельности — не оценивается, в частности, уровень товарности производства либо близости его к натуральному хозяйству. Данная особенность предлагаемой дефиниции имеет важное значение, ибо в предложенном виде она исключает возможность законодательного установления и закрепления барьеров на пути как технической модернизации традиционных отраслей хозяйства, так и увеличения их товарности и доходности, а значит и повышения уровня жизни практикующих их групп коренного населения.

Опасения такого рода, к сожалению, отнюдь не беспочвенны. С одной стороны, механизация некоторых сторон рыболов-

ства, оленеводства² или охоты в последние десятилетия советского периода истории российского Севера нередко трактовалась не просто как отход от собственно “традиционных” форм ведения этих отраслей, но и как признак качественной трансформации хозяйства. С точки зрения этнологии (изучения культурного и этнического своеобразия), социальной экологии (исследования взаимодействия с окружающей средой) или экономической науки (анализа организации и эффективности производства) данный вывод вполне справедлив, но это еще не означает, что именно и только такого рода научное обобщение должно непосредственно отражаться в законодательных формулировках и определять государственную политику по отношению к народам Севера. С другой стороны, некоторые известные специалисты уже предлагали ввести в качестве одного из возможных критериев определения традиционного хозяйства народов Севера “натуральный характер экономики, то есть минимальный обмен и максимальную зависимость от природы” [10, стр. 79]. Вероятно, исходя именно из этой методологической предпосылки, в проект разработанного ими закона “Основы правового статуса коренных народов Севера России” в один из разделов статьи № 8 “Основы экономического развития коренных народов Севера” они опрометчиво включили положение, прямо ограничивающее на “территориях приоритетного природопользования” права коренного населения Севера ведением только “традиционных отраслей хозяйства и промыслов в строго ограниченных размерах, исключающих товарный характер хозяйства” [10, стр. 83]. Впрочем, не выдерживает критики и сама идея этих авторов об организации в дополнение к “территориям традиционного природопользования” (где, с их точки зрения, возможно развитие товарного хозяйства) еще и “территорий приоритетного природопользования”, в состав которых должны входить “резерваты, национальные парки, заказники и заповедники” — согласно российскому законодательству и

¹ В данном случае я высказываю положение, которое возникло в ходе дискуссии с Е. Пивневой на Круглом столе “Правовой плюрализм в современной России” (Москва, Институт этнологии и антропологии РАН, 22 декабря 1999 г.).

² Ярким примером такого рода является “кочевание” части оленеводов-эвенов с использованием тракторов, начавшееся с 1970-х годов и приведшее к сокращению и даже исчезновению в таких группах ездовых оленей [подробнее см.: 9, стр. 19].

мировому опыту на “особо охраняемых природных территориях” разного типа традиционная хозяйственная деятельность местного населения или полностью исключается, или же допускается на части охраняемой территории и при этом регулируется по степени воздействия на компоненты природной среды, но никак не по уровню товарности или какому-либо другому неэкологическому показателю.

Итак, определение хозяйства или природопользования коренного населения Севера как “традиционного” в документах юридического характера целесообразно не связывать ни с используемыми этим населением технологиями, ни с уровнем товарности их хозяйственной деятельности. Что касается оленеводства, рыболовства, охоты, собирательства и изготовления “традиционной” одежды, утвари, предметов народного искусства коренным и старожильческим населением российского Севера, то этот комплекс отраслей хозяйства уместно вообще выделить (в том числе в государственном статистическом учете экономической деятельности и занятости населения) в качестве особого “традиционного сектора” экономики страны безотносительно к используемым в нем технологиям производства, этническому происхождению работников и уровню товарности или экономической эффективности [12, стр. 5–6; см. также сходные предложения: 3, стр. 69].

Такой подход к трактовке “традиционного хозяйства и природопользования”, однако, является достаточно условным и, например, явно не совпадает с принятой в социально-экологических и экономико-географических исследованиях оппозицией “традиционный – современный” [13]. На уровне вузовских и ряда школьных учебников по экологии и географии понятие “традиционное общество” (и соответствующие ему хозяйство и природопользование) раскрывается как общество, основанное на присваивающих отраслях экономики (охота, собирательство, рыболовство), то есть “традиционное доаграрное”, или же на производящих отраслях экономики (земледелие, скотоводство), то есть “традиционное аграрное”. Последнее отличается от “современного общества” (промышленного и постиндустриального) тем, что в традиционном земледелии и скотоводстве по определению отсутствуют:

- механизация, то есть использование технических приспособлений, приводимых в движение двигателями внутреннего сгорания;

- химизация, то есть применение минеральных удобрений для повышения плодородия почв и ядохимикатов для борьбы с вредителями и болезнями растений (на полях, плантациях, пастбищах);

- сорта культивируемых растений и породы домашних животных, выведенные специалистами сельскохозяйственных наук на опытных станциях и фермах и имеющие гораздо большую продуктивность по сравнению с традиционными местными сортами и породами (впрочем, последние зато отличаются гораздо меньшей требовательностью к уходу за ними со стороны человека и к тому же большей устойчивостью и выживаемостью в неблагоприятных условиях окружающей среды, например, в годы с плохими для земледелия или скотоводства погодными условиями).

Переход во второй половине XX в. некоторой части населения ряда развивающихся тропических стран от подобного “традиционного” земледелия и скотоводства к “современному сельскому хозяйству” (с механизацией, химизацией, внедрением новых сортов растений и пород скота) получил название “зеленой революции”. В данном контексте “традиционное доаграрное” общество и его присваивающие отрасли хозяйства тоже, естественно, не могут характеризоваться хотя бы частичной механизацией и другими чертами “современных обществ” – ведь только для последних характерны полная или почти полная механизация ряда присваивающих отраслей экономики (океаническое рыболовство, китобойный промысел в 1950-е – 1960-е гг., лесозаготовки и т.д.).

Если применить указанный эколого-географический подход к определению характера современного охотничье-промыслового хозяйства на российском Севере, то во многих случаях рыболовство, оленеводство и даже охота окажутся не вполне соответствующими критериям “традиционного хозяйства и природопользования”. Однако для законодательства о правах коренного и старожильческого населения Севера, ведущего оленеводческо-промысловое хозяйство, необходим

совершенно особый подход с иной дефиницией указанных терминов.

Обычное право и государственное право в сфере традиционного хозяйства и природопользования: возможные сферы проявления правового плюрализма.

Прежде чем перейти к вопросу о сферах возможного (взаимо)действия государственно-правовых и обычно-правовых норм регулирования "традиционного природопользования", имеет смысл остановиться на экологических аспектах последнего. Здесь налицо очевидное расхождение между, условно говоря, "романтиками"-гуманитариями, акцентирующими внимание на экофильных традициях и особых духовных связях ведущих традиционное хозяйство народов Севера с окружающей их хрупкой природой, и "скептиками"-естественниками, опубликовавшими многочисленные исследования о возможности разрушительных последствий традиционного (даже в самом узком социально-экологическом понимании этого термина) природопользования для окружающей среды [см. подробнее: 15, pp. 50–51].

Например, в этой связи можно вспомнить почти полное истребление в XVIII – XIX веках в Сибири и на Дальнем Востоке соболя и резкое снижение численности некоторых других видов особо ценных пушных зверей, в том числе и в тех районах, куда русские промысловики не доходили, но куда проникли торговцы и сборщики ясака. На берингоморском побережье Чукотки в первой половине XX в. И.И. Крупник определил размеры традиционного промысла чукчами и эскимосами гренландского кита как балансирующие на грани перепромысла и подрыва численности этой популяции животных, но, правда, в этом конкретном случае серьезное снижение общей численности китов вызвали в предшествовавший период американские китобои [5, стр. 75–76]. Наконец, даже в учебники вошли примеры истребления палеолитическими охотниками позднеледниковой мегафауны Северной Евразии и Северной Америки (мамонты, шерстистые носороги, мускусные быки Евразии и лошади Америки, и т.п.), а также практически синхронное с появлением первых палеолитических охотников исчезновение наиболее крупных видов животных в открытых ландшафтах Южной Америки и Австралии.

Таким образом, нет серьезных оснований считать, будто охотничье-рыболовецкое население не может само истощить используемые им биоресурсы. Тем более этот вывод оправдан в условиях наших дней, когда товарно-денежные отношения проникли повсеместно и часто провоцируют хищнический промысел. К тому же ныне на животный и растительный мир Севера негативно и серьезно воздействует перенос загрязняющих веществ из промышленных центров, начинающаяся перестройка климата в связи с глобальным потеплением, а также резкое сокращение территории, свободной от промышленного освоения и геологической разведки с сопутствующими им браконьерством и распугиванием животных, повреждением растительного покрова гусеничным вездеходным транспортом.

Однако особую тревогу должно вызывать вполне возможное развертывание "трагедии общинных ресурсов" на территориях традиционного природопользования, выделенных в общинное владение либо пользование. Как известно, это явление вызвано тем, что у человека отсутствуют сознательные ограничения, препятствующие полному истощению природных ресурсов (в том числе возобновимых), если эти ресурсы находятся в коллективном пользовании или владении и при условии, что в процессе их эксплуатации позитивные результаты ("выгоду", как правило, обусловленную включением в рыночные отношения) получают конкретные индивидуумы-пользователи, а нарастающие по мере начинающегося истощения ресурсов негативные последствия ("ущерб") равномерно распространяются на всех членов данного коллектива, включая и тех, кто данными ресурсами не пользуется или же пользуется в ограниченных масштабах. Этот социально-экологический феномен многократно проявлялся в периоды трансформации традиционных обществ, в которых сохранялись общинные природные ресурсы и равноправные в отношении их использования общинники, вследствие включения этих обществ в товарно-рыночные отношения, то есть с появлением у отдельных членов общин возможности часть получаемой от эксплуатации общинных ресурсов продукции поставлять на рынок.

Примерно таким образом определил впервые описанный им феномен "трагедии общинных ресурсов" эколог Г. Хардин

[14, pp. 1243–1248], после чего анализ причин и последствий это явления вошел даже в учебные пособия [6, стр. 33]. Также известно, что выходом из подобной ситуации может быть либо “приватизация” находящегося в коллективном владении или пользовании природного ресурса (то есть его раздел между пользователями, если только это технически возможно), либо же введение эффективного общественного контроля и нормирования нагрузки на ресурс со стороны пользователей. В последнем случае чаще всего предпочтительным является привлечение нейтральных по отношению к пользователям государственных служб экологического мониторинга и органов охраны порядка.

Сказанное выше позволяет усомниться в целесообразности полной передачи функций регулирования традиционного природопользования в общины – коллективы ведущих традиционное хозяйство групп населения Севера. Даже при достаточно полном сохранении у них норм обычного права в данной сфере, использование ресурсов животного и растительного мира на территориях традиционного природопользования, находящихся в коллективном владении или пользовании общин, может привести к истощению этих ресурсов, что многократно фиксировалось исследователями у сохранявших во второй половине – конце XX в. традиционное хозяйство и общинное землепользование скотоводческих и охотничье-собираТЕЛЬСКИХ групп населения развивающихся стран после частичного вовлечения членов этих общин в товарно-денежные отношения. Следовательно, внешний и эффективный контроль за природопользованием ведущих традиционное хозяйство групп населения и за состоянием используемых ими природных ресурсов совершенно необходим и отвечает как интересам охраны природы, так и целям устойчивого развития самого традиционного хозяйства в условиях практически повсеместного в наши дни проникновения в него, по крайней мере, отдельных элементов товарных отношений.

Впрочем, высказанное выше мнение уже утратило свою актуальность – принят федеральный рамочный Закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”, который прямо и обоснованно относит различные функции регулирования нагрузки на природные ресурсы

территорий традиционного природопользования к компетенции органов государственной власти федерального и регионального уровней (оценка природных ресурсов и их мониторинг, лицензирование хозяйственной деятельности и установление, распределение квот). Таким образом, обычно-правовое регулирование традиционного природопользования может и несомненно будет осуществляться одновременно с государственным, но в экологически сложных или неблагоприятных ситуациях именно последнее должно играть основную роль. Данное положение вполне соответствует современным представлениям большинства экологов и физико-географов об оптимальных способах регулирования и контролирования традиционного природопользования, особенно на общинных землях и при коллективном использовании ресурсов.

Тем не менее подобная констатация отнюдь не означает, что обычному праву в рамках традиционного хозяйства и природопользования должны оставаться лишь второстепенные и дублирующие функции. В традиционном хозяйстве есть и собственно экономическая сторона – организация производства, включая частые случаи перераспределения земельных угодий между членами коллектива и даже частичное перераспределение получаемой в процессе совместной трудовой деятельности продукции. Именно здесь, на мой взгляд, ведущую роль призваны играть нормы обычного права и морали.

Однако и в этой сфере должны быть разработаны и сформулированы нормы государственного права, к которым мог бы апеллировать любой член общины, который окажется недовольным либо посчитает свои интересы ущемленными в результате применения обычно-правовых принципов регулирования традиционной хозяйственной деятельности. Все же представляется, что в данном случае уже государственное право окажется в роли дублирующего и второстепенного по своим реальным функциям, будучи востребованным лишь в конфликтных ситуациях.

Таким образом, как экологические, так и собственно экономические аспекты ведения традиционного хозяйства и природопользования целесообразно регулировать в рамках правового плюрализма, сочетая государственное право и обычное право и мораль. Однако в первом случае желательно гаранти-

ровать и реально обеспечить приоритет государственно-правовых норм, тогда как во втором удобнее в максимальной степени полагаться на обычно-правовые нормы и мораль.

В качестве заключения хотелось бы вновь обратить внимание читателя на предложенную выше для учета в законодательных документах дефиницию “традиционного хозяйства и природопользования”. Несмотря на явное доминирование в современном отечественном антрополого-юридическом дискурсе о “традиционном природопользовании” сюжетов, связанных с малочисленными народами Севера, Сибири и Дальнего Востока, в данной дефиниции этот термин может иметь гораздо более широкое поле потенциального применения.

В частности, принятие высказанной автором точки зрения позволяет определять как “традиционные” многие современные формы ведения экстенсивного пастбищного скотоводства, будь то кочевого или горного отгонного (пастушеского). Несмотря на то, что практически все они в той или иной степени трансформированы, если их сравнивать с этнографическими реалиями начала XX века, сохраняется главная особенность кочевничества или горного пастушества – связь этих форм скотоводства с особым образом жизни соответствующих групп населения, равно как и восприятие этих форм хозяйства и природопользования практикующим их населением в качестве основы своей культурной традиции и этнокультурного своеобразия.

Если исходить из предположения, что законодательство об особых (приоритетных) правах на землю некоторых групп населения, ведущих традиционное хозяйство и природопользование, призвано, в первую очередь, облегчить таким группам сохранение их своеобразной культуры и образа жизни в современных условиях, то нет логических оснований ограничивать применение подобного законодательства только регионами Севера, Сибири и Дальнего Востока и группами населения, занятыми оленеводством, охотой и собирательством. Есть, по крайней мере, смысл в постановке и обсуждении вопроса об определении в качестве “традиционных” (а потому также заслуживающих законодательного обеспечения практикующих их групп населения льготными правами на землеполь-

зование) тех форм кочевого и пастушеского скотоводческого хозяйства, которые связаны с дальними перемещениями скотоводов и их стад между сезонно используемыми пастбищами и которые отчасти сохранились либо возрождаются в горах Южной Сибири и в Забайкалье, в калмыцких степях и в горах Кавказа.

Литература.

1. Арутюнов С.А., Мелконян Э.Л. Культура жизнеобеспечения в этнических системах. // Культура жизнеобеспечения и этнос: Опыт этнокультурологического исследования. Ред.: Арутюнов С.А., Маркарян Э.С. Ереван, 1983.
2. Богословская Л.С., Павлов П.Н. Коренное население российского Севера и современное законодательство в области природопользования и охраны окружающей среды. // Человек и право: Книга о Летней школе по юридической антропологии. Ред.: Новикова Н.И., Тишков В.А. М., 1999.
3. Клоков В.Ф., Корюхина А.В. Основные проблемы социально-демографического развития и занятости народов Севера. // Этнографическое обозрение, 1994, № 5.
4. Комментарий к Федеральному Закону “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”. Ред.: Крылов Б.С. М., 1999.
5. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989.
6. Миллер Т. Жизнь в окружающей среде. Книга I. М., 1993.
7. Мкртумян Ю.И. Основные компоненты культуры этноса. // Методологические проблемы исследования этнических культур. Ереван, 1978.
8. Новикова Н.И. Права человека и права коренных народов Севера России: гармония или антагонизм? // Человек и право: Книга о Летней школе по юридической антропологии. Ред.: Новикова Н.И., Тишков В.А. М., 1999.
9. Сирина А. Современные проблемы малых народов Севера Магаданской области. // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1998, вып. № 116.
10. Соколова З.П., Новикова Н.И., Ссорин-Чайков Н.В. Этнографы пишут закон: контекст и проблема. // Этнографическое обозрение, 1995, № 1.
11. Статус малочисленных народов России: Правовые акты. Сост.: Кряжков В.А. М., 1999.
12. Ямсков А.Н. Территории традиционного землепользования в Хабаровском крае. // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1996, вып. № 96.
13. Ямсков А.Н. Социальная экология и этноэкология. // Программы по экологическим дисциплинам. М.: изд. МГПУ (в печати).
14. Hardin G. The Tragedy of the Commons // Science, 1968, vol. 162, № 3859.
15. Yamskov A.N. Applied Ethnology and Ethnoecology in Combining Aboriginal Land Rights with the Preservation of Biodiversity in Russia. // Practicing Anthropology, 1999, vol. 20, 2 (Spring).